

УДК 94 (571)“1926/1939”+316.444 (571)

В. И. Исаев**Социальная мобильность сельского населения Сибири как основа роста рабочего класса в период индустриализации (1926—1939 гг.)**

На основе междисциплинарного подхода, сочетающего исторические и социологические методы, рассмотрены социально-экономические и политические причины и условия повышенной социальной мобильности сибирского крестьянства в период проведения индустриализации народного хозяйства СССР. Изучение архивных и опубликованных в исследуемый период материалов показывает, что в 1930-е гг. мигранты из сибирской деревни составляли от $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ в составе новых пополнений рабочего класса. В условиях форсированной коллективизации и разорения значительной части крестьян социальное положение и статус рабочего оказались более привлекательными, что привело к массовой миграции сельского населения Сибири в город. Советское государство пыталось регулировать и направлять стихийный процесс перемещения сельского населения в город. Основная масса мигрантов из села была неграмотной или малограмотной, что приводило к стагнации или даже снижению культурно-технического уровня рабочего класса и других его социальных характеристик. Несмотря на некоторые негативные аспекты перемещения сельского населения в город, положительным результатом можно считать произошедшую за исследуемый период модернизацию общества. В социальном составе населения Сибири резко выросла доля горожан, а в составе городского населения — доля рабочих. В статье сделан вывод о том, что процессы коллективизации и индустриализации выполнили роль социального лифта, переместившего значительную часть сельского населения сибирского региона в состав рабочего класса.

Ключевые слова: Сибирь, социальная мобильность, миграция, рабочий класс, крестьянство, индустриализация, коллективизация, социальный лифт.

В конце XX — начале XXI века российское общество вступило в очередной период глубоких социальных трансформаций, в процессы социальной мобильности оказались вовлечены практически все группы и слои населения. Наряду с положительными результатами перестройки социальной структуры общества все более болезненно ощущаются и определенные негативные последствия: слишком большой разрыв между верхними и нижними стратами социальной структуры, вымывание среднего класса. Коррективы в процесс социальных трансформаций невозможно внести без учета исторического опыта, в частности внимательного анализа истории модернизации страны после революции 1917 г.

Переход к форсированному строительству социализма в СССР на рубеже 1920—1930-х гг. стал толчком для интенсивного перемещения огромных людских масс, всплеска социальной мобильности как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. При этом советское государство, руководствуясь тезисом о ведущей роли рабочего класса при социализме, прилагало серьезные усилия для поощрения и регулирования роста именно данной группы в социальной структуре общества.

В статье на примере такого чрезвычайно динамично развивавшегося российского региона, как Сибирь, мы рассмотрим причины и механизмы перемещения значительной массы сельских жителей в город в конце 1920-х — 1930-е гг., где они в основном дополнили ряды рабочего класса. Под Сибирью здесь понимается территория Западной и Восточной Сибири (в основном входившая в 1920-е гг. в Сибирский край) без Якутии и Дальнего Востока.

Историография темы, представленная преимущественно работами историков советского периода, довольно обширна. Уже в 1930-е гг. появляются первые серьезные исследования, в которых проблема новых пополнений рабочего класса занимала видное место

© Исаев В. И., 2016

[1; 11]. Однако затем в течение длительного периода проблема как бы уходит из поля зрения исследователей, что было связано с жестким контролем сталинского аппарата за развитием общественных наук.

Вновь ученые возвращаются к фронтальной разработке проблем истории рабочего класса уже на новом этапе развития советского общества — после XX съезда КПСС. Среди наиболее известных исследователей проблем формирования рабочего класса СССР, уделявших внимание теме новых его пополнений, следует назвать М. Я. Сони́на, А. М. Панфи́лову, В. З. Дроби́жеву и А. И. Вдови́на [4; 22; 27]. На материалах Сибири написаны обстоятельно фундированные работы А. С. Московского, в которых дана всесторонняя характеристика рабочего класса региона [16; 17]. О. И. Шкаратан одним из первых использовал возможности социологических теорий и междисциплинарного подхода при рассмотрении истории рабочих СССР [28].

Но в условиях жесткой цензуры и господства идеологии Коммунистической партии историки зачастую вынуждены были формулировать такие суждения и выводы, которые искажали реальный ход исторических процессов; более того, они явно противоречили фактическому содержанию архивных материалов. Так, в большинстве работ стихийный в основном исход сельского населения в города представал как регулируемый партией и государством процесс и как позитивный результат коллективизации крестьянства. В ряде работ утверждалось также, что с началом коллективизации существенно затормозился процесс миграции сельского населения в города. В противовес таким утверждениям в работе Ю. В. Арутюняна, написанной в период хрущевской «оттепели», делается попытка представить более приближенную к действительности картину перемещения сельского населения в город [2]. В частности, Арутюнян одним из первых осмелился сказать, что именно перегибы в ходе коллективизации стали одной из причин бегства крестьян в город.

В целом можно сделать вывод, что в советской историографии изучение проблемы шло с идеологизированных позиций «воспевания» роста рабочего класса как одного из главных достижений в строительстве социализма. При этом освещались прежде всего количественные параметры роста рабочего класса, а механизмы социальных перемещений, качественные характеристики новых пополнений рабочего класса в основном оставались вне поля зрения.

Зарубежные исследователи могли писать более объективно о проблемах формирования рабочего класса в СССР, при этом они обращали внимание и на негативные аспекты социальных трансформаций [30—34]. Однако в работах иностранных историков интересные теоретические находки и оценочные суждения не всегда удавалось подкрепить соответствующими фактическими выкладками.

В современной исторической литературе интерес к проблематике формирования рабочего класса в советский период существенно снизился, что вполне объяснимо в связи с отказом от марксистских догм о его ведущей роли и исторической миссии. Из работ последних десятилетий заслуживает внимания монография уральских историков С. П. Постникова и М. А. Фельдмана, посвященная анализу различных аспектов социокультурного облика рабочего класса СССР в первой половине XX века [23].

Источниками изучения проблематики статьи являются статистические и иные материалы, опубликованные в научной и периодической печати исследуемого периода. Для освещения данной темы особенно важны материалы переписей населения, поэтому нижняя граница хронологических рамок исследования логично определяется Всесоюзной переписью 1926 г., а верхняя граница — Всесоюзной переписью 1939 г.

Другой важной частью источниковой базы являются архивные материалы. В основном это документы партийных, советских и правоохранительных органов Сибирского края, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО). Из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) использовались материалы, отражающие общую обстановку в стране, психологические установки и настроения населения.

В основу методологии исследования положен междисциплинарный подход, в котором традиционные методы исторического исследования дополнены основными положениями теории социальной мобильности. Рассмотрение архивных данных и других традиционных для историков источников через призму социологических методов позволяет по-новому представить и осмыслить процессы, происходившие в советском обществе. Более активное возвращение к этой проблематике и ее рассмотрение с новых позиций представляется необходимым компонентом обновления и дальнейшего развития российской исторической науки.

К концу 1920-х гг. Сибирь оставалась по преимуществу аграрным регионом, в котором подавляющее большинство населения вело традиционный крестьянский образ жизни. По данным первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Сибирском крае проживало 11 024 тыс. чел.; городское население составляло 1415 тыс. чел. (12,8%), сельское — 9609 тыс. чел. (87,2%) [5, с. 8]. О подавляющей доле крестьянства свидетельствует также распределение населения по сферам народного хозяйства: по данным Сибирской советской энциклопедии, в 1926 г. в сельском хозяйстве было занято в Западной Сибири 90,2%, в Восточной Сибири — 81,5% самодеятельного населения [26, с. 689]. О господстве аграрного сектора в экономике региона говорит и следующий показатель: в 1925/26 хозяйственном году в валовой продукции народного хозяйства Сибирского края только 22,2% давало промышленное производство, в то время как в целом по СССР его доля составляла 40,5% [3, с. 31—32].

Слабая степень урбанизированности сибирского региона означала, что людские ресурсы городов были не способны обеспечить нужные для индустриализации темпы роста рабочего класса. В условиях преобладания в структуре населения восточных районов СССР доли крестьянства задача обеспечения рабочей силой промышленности могла быть решена только за счет массовой миграции сельского населения в город. Поэтому советскому руководству необходимо было инициировать и направить поток мигрантов из сельской местности в города, разработать и осуществить функционирование своеобразных социальных каналов и лифтов, способных передвигать значительные массы населения в желательном направлении в интересах индустриализации и усиления роли рабочего класса в обществе.

Стремление некоторой части сельского населения Сибири перебраться на жительство в города наблюдалось и до начала форсированной индустриализации. Оно было обусловлено разницей в материальном положении сельского и городского населения, более благоприятными условиями и широкими перспективами городской жизни, представлявшимися заманчивыми для неудачливых или наиболее предприимчивых жителей сибирских деревень.

Вместе с тем данные о движении населения показывают, что до конца 1920-х гг. уезжала в город относительно небольшая часть сельского населения Сибири [20, с. 23—25]. Основная масса крестьянства была прочно привязана к земле и не мыслила своего существования вне деревенского мира. Стабилизирующим фактором являлось и то, что в условиях нэпа материальное положение основной массы крестьянских семей улучшилось. Но идеология и политический курс правившей партии большевиков, направленные на

утверждение руководящей роли рабочего класса в обществе, постепенно начинали менять социальные ориентации сельского населения.

В традиционном сибирском обществе в представлениях большинства людей жизнь и помыслы были неразрывно связаны с созданием и укреплением собственного крестьянского хозяйства. Однако с провозглашением большевистской партией курса на коллективизацию «единоличное» хозяйство по существу было объявлено атрибутом прошлого, подлежащим в скором времени полной ликвидации. В картине светлого будущего, которую старалась внедрить в сознание людей мощная машина партийно-государственной пропаганды, ведущее место в советском обществе должно было принадлежать рабочим, которым предстояло жить в прекрасных социалистических городах.

Складывавшийся в общественном мнении приоритет рабочего класса и городского образа жизни отражался прежде всего в ориентациях и жизненных планах молодого поколения деревни. Так, по данным опроса, проведенного в 1928 г. в одной из сельских комсомольских организаций Тарского округа среди комсомольцев, уже имеющих крестьянское хозяйство или являвшихся основным работником в семье, только 48% предполагали в будущем продолжать работать в сельском хозяйстве, 26% надеялись поступить на учебу, а затем стать советскими служащими, 15% ставили себе целью просто переезд в город, еще около 11% собирались овладеть каким-либо ремеслом, следовательно, также предполагали порвать с сельским хозяйством [25, л. 95—97].

Таким образом, даже среди тех молодых людей, которые уже фактически заняли свое место в деревенском обществе, сохранялась высокая потенциальная мобильность, ориентация на изменение своей будущей деятельности в пользу города. Еще более высокой была степень потенциальной социальной мобильности среди сельских подростков, только выбиравших свою судьбу. По данным некоторых опросов, проводившихся в конце 1920-х гг. среди сельских школьников Сибири, до 80% из них связывали свое будущее с жизнью в городе [6, л. 54—56]. Приведенные данные, как показывают и другие источники, в целом отражали ведущую общую тенденцию в изменении ориентаций сельского населения.

Реальная жизнь формировала у сельского населения стремление к переезду в город конкретными примерами всестороннего наступления государства на крепкое крестьянское хозяйство. Отказ от принципов нэпа и переход к методам административного давления на крестьянство в ходе хлебозаготовительных кампаний конца 1920-х гг. породили дискриминацию и разгул насилия по отношению к крестьянам по всей стране, в том числе и в Сибири. Органам местной власти сверху спускались задания по ускоренному выполнению плана хлебозаготовок, их выполнение для работников местных органов являлось гарантией сохранения служебных постов. При этом все более распространенным способом решения поставленных задач становились карательные меры по отношению к крестьянству, имевшие целью заставить его подчиниться проводимому большевистской партией курсу. Только за период с сентября 1929 по май 1930 г. народными судами Сибири были осуждены по ст. 58 УК РСФСР 6843 чел. Среди них большинство составляли так называемые «кулаки» — 85,6%, середняки — 9,2%, бедняки — 2,5%, прочие — 2,7%. К высшей мере были приговорены 120 осужденных, остальные — к различным срокам лишения свободы, при этом в качестве дополнительного наказания у 46,6% осужденных было конфисковано имущество [24, с. 9].

В 1930 г. складывавшееся в общественном сознании населения СССР представление о приоритетности положения городского жителя по сравнению с крестьянином было весьма своеобразно подтверждено и усилено развернувшейся насильственной коллективизацией, сопровождавшейся разорением зажиточных крестьян, так называемым «раску-

лачиванием». Оказавшись перед перспективой лишения собственного хозяйства либо в результате раскулачивания, либо в результате его обобществления, передачи в колхоз, значительная часть крестьян предпочла вообще порвать с деревней и перебраться в город. Правда, во многих случаях это был уже не нормальный переезд, а поспешное бегство.

Оценивая изменения ориентаций сельского населения в общем контексте преобразований, происходивших в рассматриваемый период, можно сделать вывод, что естественный в своей основе процесс перемещения населения в город был искусственно форсирован за счет развернувшегося наступления государства на зажиточное крестьянское хозяйство, способствовавшего вынужденному выезду крестьян из села.

В общем плане строительства нового общества такое развитие социальной мобильности оказывалось вполне желательным. Миграционное движение населения из села в город отвечало потребностям индустриализации, обеспечивая быстрый рост рабочего класса. Значительная часть сельского населения именно в первые годы коллективизации переместилась в город. Только за период с 1929 по 1933 г. население городов Западной Сибири выросло в два раза, причем этот рост обеспечивался в основном за счет населения сибирской деревни [20, с. 24].

По данным профсоюзной статистики, на промышленных предприятиях Западной Сибири в 1930 г. в составе новых рабочих выходцы из крестьян составили 80%, в 1931 г. — 88%, в 1932 г. — 85%. В целом за годы первой пятилетки около 80% новых пополнений рабочего класса Сибири приходило из деревни. В годы второй пятилетки этот показатель несколько снизился, но, тем не менее, деревня продолжала давать основную долю пополнения рядов рабочего класса [13, с. 235]. Особенно высока была доля выходцев из села на стройках новых индустриальных гигантов. На строительстве Кузнецкого металлургического комбината доля крестьян в пополнении трудового коллектива достигала в эти годы 90%.

В общем пополнении населения городов Западной Сибири, прибывшем в течение 1926—1937 гг., мигранты из сельской местности составили 68,5%. При этом доля выходцев из других, несибирских территорий составила только около 20%, в основном поток переселенцев шел из сибирских деревень [20, с. 95].

На фоне стихийного движения сельского населения в город партийно-советское руководство в соответствии с принципами планового хозяйства пыталось внести государственное регулирование в этот процесс. Об этом, в частности, свидетельствуют попытки руководящих органов Сибири проконтролировать и отрегулировать потоки миграции, предпринимавшиеся в ходе интенсивного перемещения населения из села в город. Примером подобных действий партийных и советских органов Сибири стало преследование определенной части сельских жителей за переезд, а по существу бегство из деревни в город, ставшее особенно массовым с развертыванием коллективизации и раскулачивания.

В 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) и Сибкрайисполком Советов поставили перед правоохранительными органами Сибирского края задачу бороться с массовым и незаконным, по их мнению, переездом в город крестьян. Краевой суд и краевая прокуратура в начале 1930 г. разослали на места циркулярное письмо, разъясняющее правоохранительным органам способы борьбы с этим явлением. Уехавших из деревни крестьян предлагалось квалифицировать как уклоняющихся от исполнения государственных обязанностей, а точнее от уплаты налогов, в частности от выполнения так называемых «твердых заданий» по хлебозаготовкам. Соответственно предлагалось привлекать «беглых» крестьян к уголовной ответственности по ст. 61 ч. 3 УК РСФСР. Правда, в отношении бедняков и середняков рекомендовалось ограничиться мерами общественного воздействия или ад-

министративными мерами согласно части первой ст. 61. Таким образом, власти пытались незаконно присвоить себе право наказывать крестьян за несанкционированное переселение в город [7, л. 12].

В действительности большинство переехавших крестьянских семей просто вынуждены были бежать со своего привычного места проживания. Можно считать, что с точки зрения конституционного порядка и нормального понимания прав человека эти крестьяне воспользовались своим правом на свободу передвижения и выбор места жительства, в советской Конституции такие права граждан были гарантированы. Но к этому времени уже был накоплен большой опыт объявления преступниками людей, действия которых шли вразрез с линией партии. Поэтому власти нашли очень простой выход: обвинять крестьян, переехавших в город, в уклонении от уплаты налогов. Это грозило виновным лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества.

Первая волна бегства от колхозов постепенно спадала по мере повышения уровня коллективизации. Оказавшись членами колхозов, крестьяне уже не имели возможности самостоятельно решать свою судьбу. Но и все убывающая часть крестьян-единоличников также ограничивалась в своем праве на переезд в город. В циркуляре от 15 ноября 1931 г. Западно-Сибирский краевой суд разъяснял местным судам, что бегство «единоличников-твердозаданцев» в город должно рассматриваться как преступление, имеющее политический характер. Перед судебными и другими органами на местах была поставлена задача изучить данное явление, выявить состав беглых крестьян, обеспечить меры розыска и наказания [7, л. 18].

Однако подобные заградительные меры не могли остановить стихию массового исхода сельских жителей в города. Сельское население, как принято говорить, «голосовало ногами» против сложившейся в стране политики давления на крестьянство, навязывания ему принятых большевистской партией ориентиров и ценностей.

Еще одним, типично советским способом контроля за процессом социальной мобильности и пополнения рабочего класса стал организованный набор рабочей силы в деревне. В начальный период индустриализации большинство крупных предприятий отправляли специально выделенных вербовщиков для набора рабочей силы в селах и других поселениях. В 1931 г. вербовка отдельных людей была заменена привлечением целых коллективов согласно разработанной в государственном масштабе системе договорных обязательств между колхозами и промышленными предприятиями на поставку рабочей силы. В результате таких договоров конкретный человек оказывался как бы в стороне от решения своей судьбы, он становился в обозначении советских чиновников трудовым ресурсом, который в административно-приказном порядке по особым нарядам направлялся на предприятия и стройки народного хозяйства. Согласно договорам колхозы направляли работников, которые должны были отработать без увольнения назначенный срок, а стройки и предприятия, в свою очередь, оказывали помощь колхозам в ремонте машин, обеспечении механизмами и материалами, организовывали подготовку квалифицированных кадров из колхозной молодежи.

С 1931 г. договоры с колхозами стали обеспечивать большую часть притока рабочих на промышленные предприятия. Например, в первом квартале 1931 г. из 16 тыс. рабочих, поступивших на строительство Магнитогорского металлургического комбината, примерно $\frac{1}{4}$ часть оказалась здесь по вербовке, а $\frac{3}{4}$ новых рабочих пришли на предприятие так называемым «самотеком». Однако уже в третьем квартале положение кардинально поменялось: из 17,5 тыс. человек, принятых на работу, $\frac{3}{4}$ поступили по договорам с колхозами [12, с. 398—399]. В составе новых работников промышленных предприятий Западной

Сибири в 1932 г. только 36% было принято в порядке оргнабора, а уже в 1933 г. доля поступивших по оргнабору достигла 86% [20, с. 95].

Таким образом, в первой половине 1930-х гг. была создана система организованного пополнения рабочей силой предприятий промышленности. Партийные и советские органы возглавляли и регулировали этот процесс. 19 сентября 1932 г. Запсибкрайком ВКП(б) издал постановление «О вербовке рабочей силы для Кузнецкстроя», в соответствии с которым была развернута работа по организованному набору колхозников для работы в промышленности [8, л. 91]. В декабре 1933 г. Запсибкрайисполком Советов принял два постановления «О порядке вербовки рабочих» и «О закреплении районов вербовки и рабгужсилы на 1934 год». В принятых решениях предусматривалось, что промышленным организациям и стройкам края необходимо осуществить в 1934 г. вербовку 234,5 тыс. человек [9, л. 27—29].

Однако стремление государства к регулированию социальных изменений не могло преодолеть стихийность многих процессов общественной жизни, в том числе и в движении населения. Так, за первую половину 1934 г. в промышленность Сибири должны были быть завербованы 199 637 новых рабочих, а в действительности оргнабор обеспечил привлечение 105 228 чел., т.е. только 53,4% от плана [9, л. 224].

Новая система обеспечения кадрами значительно ускорила формирование и улучшила состав рабочего класса, так как отбирались в первую очередь молодые и по возможности грамотные сельские жители. Поступавшая бригадами крестьянская молодежь быстрее адаптировалась на строительстве, стремилась в короткий срок овладеть новыми для себя жизненными и трудовыми навыками, изучить производство, освоить технику. Для значительной части сельских жителей оргнабор выполнял роль социального лифта, в ускоренном порядке перемещавшего их в более престижный класс советского общества.

Ускорение процессов социальной мобильности и изменение социальной структуры общества имело количественную и качественную сторону. Если в количественном отношении наблюдались быстрые и внушительные результаты, то в качественном отношении постепенно выявлялись серьезные изъяны. Форсирование необходимого и неизбежного процесса перемещения сельского населения в города, обеспечивавшего рост рядов рабочего класса, имело наряду с положительными сторонами и существенные недостатки. Большинство мигрантов вливалось в ряды рабочего класса, не имея ни соответствующего образования, ни навыков городской жизни. Сельские мигранты значительно снижали социальные характеристики и качества, присущие классическому пролетариату. Они не готовы были стать настоящими пролетариями, способными в случае необходимости бороться за приемлемый уровень оплаты труда, достойный образ и уровень жизни. Получив в городе возможность хотя бы минимально обеспечить собственное существование, а также и своей семьи, вчерашние крестьяне были весьма непритязательны к условиям быта и уровню оплаты труда.

Пополнение рабочего класса за счет крестьянства формировало маргинальный слой «индустриальных новобранцев», которых отличали от настоящих пролетариев неустоявшийся образ жизни и неукорененность на новом месте, приводившая к постоянной текучести кадров. По данным отдела кадров Кузнецкого металлургического комбината, в первые годы строительства текучесть приближалась к 100%, таким образом, в течение года почти полностью обновлялся состав трудового коллектива. Такая же картина наблюдалась, например, на строительстве Магнитогорского металлургического комбината. Так, по данным о движении населения, в Магнитогорск в 1931 г. прибыло 116,7 тыс. чел., в то же время выбыло 103,3 тыс. чел. По сведениям отдела кадров Магнитогорского метал-

лургического комбината, текучесть на предприятии в 1931 г. составила 70,9% [15, с. 246]. Маргинальное состояние переселенцев из села в город проявлялось и в том, что многие новые рабочие, будучи уже на постоянной основе занятыми в промышленном производстве, продолжали считать себя крестьянами. Например, по данным опроса в феврале 1931 г. на Кузнецкстрое из общего количества опрошенных — 13 573 человека лишь 6373 считали себя рабочими (46,9%), а 7225 чел. (51,4%) продолжали считать себя крестьянами [10, л. 6]. Многие переселенцы продолжали и в городе сохранять черты крестьянского уклада жизни.

Новые пополнения рабочего класса из малограмотных крестьян существенно ухудшали характеристики его культурно-технического уровня. По данным профсоюзной переписи, в 1932—1933 гг. около 37% новых рабочих металлургической промышленности Сибири были неграмотны или имели только начальные навыки чтения [17, с. 81]. В то же время по данным профсоюзного учета 1934 г., скорее всего несколько приукрашенным, в Западной Сибири среди членов профсоюзов доля неграмотных составляла 6%, а доля малограмотных — более 10% [13, с. 259]. В значительной мере относительно неплохие показатели неграмотности и малограмотности у членов профсоюзов объясняются тем, что новые рабочие зачастую еще не вступили в профсоюз, вне профсоюзных рядов оставалось в эти годы около трети рабочих.

С притоком новых рабочих из села связан зафиксированный историками факт: несмотря на широкие масштабы развернутой в годы первых пятилеток культурно-просветительской работы, показатели культурно-технического уровня рабочих Сибири оставались на прежнем уровне, а в отдельные периоды даже снижались. Так, за годы первой пятилетки уровень грамотности рабочих в целом по промышленности Сибири снизился, доля неграмотных в составе рабочего класса составила около четверти [18, с. 42—43]. Не удалось поправить положение и за годы второй пятилетки. На момент Всесоюзной переписи 1939 г. среди рабочих Сибири более четверти оставались неграмотными. Особенно высок был уровень неграмотности у рабочих Западной Сибири, где он достигал почти 32% [14, с. 52—53].

Таким образом, в связи с постоянным притоком сельских мигрантов качественные характеристики рабочего класса Сибири оставались весьма далекими от желаемых, несмотря на впечатляющие масштабы культурно-просветительской работы. Таково же было положение и в целом в стране. Не случайно данные о грамотности и образовании рабочих, полученные в ходе Всесоюзной переписи 1939 г., были тогда же засекречены и стали, по существу, государственной тайной. В результате большинство советских исследователей, приводя данные об уровне грамотности рабочих по переписи 1926 г., не имели возможности сравнить их с данными переписи 1939 г., ограничиваясь, ввиду отсутствия доступных сведений по рабочим, общими показателями для всего населения.

Социальная структура населения Сибири за годы первых пятилеток кардинальным образом изменилась. Сравнение данных Всесоюзных переписей населения в 1926 и в 1939 гг. показывает, что за этот относительно короткий период произошли существенные перемены в составе населения сибирского региона. Если в середине 1920-х гг. горожане составляли только 12,8% населения Сибири, то к концу тридцатых годов XX в. доля городского населения достигла 31,3%. А к началу Великой Отечественной войны городское население Сибири увеличилось еще более чем на полмиллиона и достигло 33,1% в составе населения региона [29, с. 35].

Особенно быстрыми темпами процесс урбанизации развивался в Кузбассе: в 1926 г. численность городского населения здесь составляла всего 120 тыс. чел., а в 1939 г. она

почти приблизилась к миллиону (910 тыс. чел.), увеличившись в 7,6 раза [21, с. 16, 18]. Доля горожан с 15% в 1926 г. возросла до 55% в 1939 г. [19, с. 31, 34].

За годы первых пятилеток соотношение аграрного и промышленного секторов в экономике сибирского региона решительно изменилось: например, к концу второй пятилетки в валовой продукции Новосибирской области промышленность давала 82,5% всего объема производства, Красноярского края — 65,3% [13, с. 221].

Процессы индустриализации и урбанизации существенно изменили не только соотношение доли горожан и сельских жителей в населении Сибири, но и социальный состав городского населения. Доля рабочих и служащих, т.е. городских слоев, наиболее тесно связанных с индустриально-урбанистическими формами труда, возросла за эти годы с 54 до 92%. При этом опережающими темпами росла доля рабочего класса: в 1939 г. она выросла более чем вдвое по сравнению с 1926 г., в то время как доля служащих почти не изменилась (табл. 1).

Таблица 1

Изменения социальной структуры самостоятельного городского населения Сибири в 1926—1939 гг., %

Социальная группа	Перепись 1926 г.	Городской учет 1931 г.	Перепись 1939 г.
Рабочие	26,7	40,1	62,2
Служащие	27,6	30,0	30,3
Некооперированные мелкие товаропроизводители	20,3	3,3	0,9
Буржуазные элементы	5,6	1,2	—
Безработные	6,7	—	—
Прочие	13,1	25,4	6,6

Источник: История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. 1917—1937 гг. Новосибирск, 1982. С. 233.

Обобщая социальные изменения в составе населения Сибири, можно сделать вывод, что в процессе индустриализации произошло ускоренное, во многом вынужденное и зачастую болезненное перемещение значительной части сельского населения в город, где оно в подавляющем большинстве вливалось в ряды рабочих. Таким образом, происходил ускоренный процесс урбанизации, который помимо основной задачи модернизации общества выполнял роль социального лифта для перемещения многочисленных мигрантов из деревни в состав рабочего класса.

Резкое усиление миграционного потока из села в город было обусловлено изменившейся политической, экономической и социокультурной ситуацией в советском обществе, в которой материальное положение, а вслед за ним и статус рабочего становились все более приоритетными по сравнению с положением сельского жителя. Психологическое давление на население деревни в пользу переезда в город оказывала вся общественно-политическая атмосфера, складывавшаяся в СССР после объявленного партийным руководством страны «наступления социализма по всему фронту».

Насильственная во многом коллективизация и развернувшееся раскулачивание наиболее успешных крестьян окончательно убедили сельское население, что прежняя перспектива создания собственного крепкого хозяйства становилась не только непривлекательной, но и опасной. Неизбежное следствие такой ситуации — стремление значительной части сельских жителей покинуть деревню и переехать в город.

Масштабное переселение сельских жителей в город, развернувшееся в процессе проведения индустриализации, преподносилось партийно-государственной пропагандой в

СССР как важнейшее достижение в строительстве нового социалистического общества. Но в реальности стремление сельских мигрантов влиться в ряды передового класса было обусловлено целым рядом негативных стимулов. Среди них в качестве ведущих преобладали элементарные потребности в выживании, которые возникали в процессе насильственной коллективизации и разорения деревни.

Не лучшим образом сказывалось это и на состоянии рабочего класса, его положении в обществе. Бежавшие со своих обжитых мест вчерашние крестьяне плохо ориентировались в новом для них городском мире. Перспектива остаться без работы, а значит, и без куска хлеба, без места в новом обществе пугала их больше всего. В отличие от отходников досоветского времени и периода нэпа у них уже не было «тыла» в деревне, куда они могли бы отступить. Поэтому, зацепившись за любое рабочее место на промышленных предприятиях и стройках, выходцы из села вынуждены были мириться с низким уровнем оплаты труда, бытовыми трудностями, диктатом партийных и профсоюзных начальников. Во многом неприветливость и долготерпение новых рабочих были связаны с тем, что, переместившись в город, вступив в ряды рабочего класса, мигранты из села приобретали новый, более престижный статус, обещающий в будущем привлекательные перспективы.

Таким образом, значительная часть сельского населения сибирского региона в период первых пятилеток добровольно или вынужденно воспользовалась социальным лифтом, переместившим его в состав рабочего класса, а тем самым и на более высокую ступень в социальной структуре советского общества.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Список использованных источников и литературы

1. Авдиенко М. Сдвиги в структуре пролетариата в первой пятилетке // Плановое хозяйство. 1932. № 6/7. С. 145—153.
2. Арутюнян Ю. В. Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности // Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.). М. : Наука, 1964. С. 100—110.
3. Большевик. Орган Новосибирского окружкома ВКП(б). 1927. № 1.
4. Вдовин А. И., Дробижев В. З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. М. : Мысль, 1976. 264 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Краткие итоги. Т. 6. М., 1928. 339 с.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-188. Оп. 1. Д. 921.
7. ГАО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 16.
8. ГАО. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 73.
9. ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 276.
10. ГАО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 595.
11. Гольцман М. Т., Коган Л. М. Старые и новые кадры пролетариата: По данным переписи 13 профсоюзов, произведенной в 1932—1933 гг. М. : Профиздат, 1934. 72 с.
12. История индустриализации Урала (1926—1932 гг.). Свердловск : Сред.-Уральское кн. изд-во, 1967. 596 с.
13. История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. 1917—1937. Новосибирск : Наука, 1982. 425 с.
14. История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск : Наука, 1984. 376 с.
15. Магнитострой в цифрах : стат. отчет за 1931 год. Магнитогорск : Тип. изд-ва «Магнитострой», 1932. 341 с.
16. Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск : Наука, 1968. 300 с.
17. Московский А. С. Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920—1937 гг. Новосибирск : Наука, 1979. 349 с.

18. Московский А. С., Аитов Н. Х. Изменения в общеобразовательном уровне рабочих Сибири в период социалистической индустриализации // Культура и быт рабочих Сибири в период строительства социализма. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 254 с.
19. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926—1939). Новосибирск : Наука, 1984. 168 с.
20. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. 172 с.
21. Население СССР. Численность, состав и движение населения. М. : Статиздат, 1975. 208 с.
22. Панфилова А. М. Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки. М. : Изд-во МГУ, 1964. 171 с.
23. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 367 с.
24. Работа органов юстиции Сибкрая. Краткий отчет крайсуда и крайпрокуратуры за время: сентябрь 1929 — май 1930. Новосибирск, 1930. 17 с.
25. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 840-в.
26. Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. М. ; Новосибирск, 1932.
27. Сонин М. Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М. : Политиздат, 1959. 93 с.
28. Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. Историко-социологическое исследование. М. : Наука, 1970. 594 с.
29. Урбанизация советской Сибири : сб. статей. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1987. 224 с.
30. Andrlie V. Workers in Stalin's Russia: Industrialization and Social Change in a Planned Economy. Brighton, 1988.
31. Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Industrial Relations, 1928—1941. Armonk, N.Y., 1986.
32. Jasny N. Soviet Industrialization. 1928—1952. Chikago, 1961.
33. Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928—1931. Cambridge, 1988.
34. Levin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. N.Y., 1985.

Поступила в редакцию 05.10.2016

Исаев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: history49@mail.ru

UDK 94 (571)“1926/1939”+316.444 (571)

V. I. Isaev

Social mobility of country people of Siberia as basis of growing working class during industrialization (1926—1939)

Based on the interdisciplinary approach, combining historical and sociological methods, the article considers social, economic and political reasons and conditions of the increased social mobility of the Siberian peasantry during industrialization of USSR national economy. The archival and published during the studied period materials show that in the 1930s migrants of the Siberian village amounted from $\frac{2}{3}$ to $\frac{4}{5}$ of the newest addition to the workforce. In the terms of forced collectivization and ruin of most peasants the social status of a worker appeared to be more attractive which led to mass migration of Siberian country people to the cities. The Soviet state tried to regulate and direct such spontaneous migration. The fact that most migrants from the village were illiterate or semiliterate led to stagnation or even decrease in cultural and technological level of working class and its other social characteristics. Despite some negative aspects of this migration, the modernization of the society during the studied period can be considered a positive result. Both the share of city dwellers in the social composition of Siberian population and the share of workers in the urban population rose significantly. The author concludes that the processes of collectivization and industrialization played as means of social mobility that transferred a considerable part of country people of the Siberian region to the working class.

Key words: Siberia, social mobility, migration, working class, peasantry, industrialization, collectivization, means of social mobility.

Isaev Viktor Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 630090, Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8
E-mail: history49@mail.ru

References

1. Avdienko M. Sdvigi v strukture proletariata v pervoi pyatiletke [Changes in the structure of the proletariat in the first Five-Year Plan]. *Planovoe khozyaistvo*, 1932, no. 6/7, pp. 145—153. (In Russian)
2. Arutyunyan Yu. V. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva i vysvobozhdenie rabochei sily dlya promyshlennosti [Collectivization of agriculture and the freed-up labor force for industry]. *Formirovanie i razvitie sovetskogo rabochego klassa (1917—1961 gg.)* [Formation and development of the Soviet working class (1917—1961)]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 100—110. (In Russian)
3. *Bol'shevik. Organ Novosibirskogo okruzhkoma VKP(b)* [Bolshevik. The body of the Novosibirsk Regional Committee of the CPSU(b)], 1927, no. 1. (In Russian)
4. Vdovin A. I., Drobizhev V. Z. *Rost rabochego klassa SSSR. 1917—1940 gg.* [The growth of the working class of the USSR. 1917—1940]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 264 p. (In Russian)
5. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Kratkie itogi* [Census of 1926. Brief results]. Vol. 6. Moscow, 1928. 339 p. (In Russian)
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of Novosibirsk Region] (GANO). F. R-188. Op. 1. D. 921.
7. GANO. F. R-1027. Оп. 6. D. 16.
8. GANO. F. R-981. Op. 1. D. 73.
9. GANO. F. R-12. Op. 3. D. 276.
10. GANO. F. R-223. Op. 1. D. 595.
11. Gol'tsman M. T., Kogan L. M. *Starye i novye kadry proletariata: Po dannym perepisi 13 profsoyuzov, proizvedennoi v 1932—1933 gg.* [Old and new footage of the proletariat: the census of 13 trade unions, carried out in 1932—1933]. Moscow, Profizdat Publ., 1934. 72 p. (In Russian)
12. *Istoriya industrializatsii Urala (1926—1932 gg.)* [The history of industrialization of the Urals (1926—1932)]. Sverdlovsk, Sred.-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1967. 596 p. (In Russian)
13. *Istoriya rabochego klassa Sibiri. Rabochii klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma. 1917—1937* [The history of the working class of Siberia. The working class of Siberia in the period of socialist construction. 1917—1937]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 425 p. (In Russian)
14. *Istoriya rabochego klassa Sibiri. Rabochii klass Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [The history of the working class of Siberia. The working class of Siberia during the consolidation and development of socialism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 376 p. (In Russian)
15. *Magnitostroi v tsifrakh : stat. otchet za 1931 god* [Magnitostroy in figures: stat. Report for 1931]. Magnitogorsk, Tip. izd-va "Magnitostroi" Publ., 1932. 341 p. (In Russian)
16. Moskovskii A. S. *Formirovanie i razvitie rabochego klassa Sibiri v period stroitel'stva sotsializma* [Formation and development of Siberia, the working class in the period of socialist construction]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1968. 300 p. (In Russian)
17. Moskovskii A. S. *Rost kul'turno-tekhnicheskogo urovnya rabochikh Sibiri. 1920—1937 gg.* [The growth of the cultural and technical level of workers in Siberia. 1920—1937.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979. 349 p. (In Russian)
18. Moskovskii A. S., Aitov N. Kh. *Izmeneniya v obshcheobrazovatel'nom urovne rabochikh Sibiri v period sotsialisticheskoi industrializatsii* [Changes in the educational level of workers in Siberia in the period of socialist industrialization]. *Kul'tura i byt rabochikh Sibiri v period stroitel'stva sotsializma* [Culture and life of Siberian workers during the construction of socialism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 254 p. (In Russian)
19. Moskovskii A. S., Isupov V. A. *Formirovanie gorodskogo naseleniya Sibiri. (1926—1939)* [Formation of urban population of Siberia. (1926—1939)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 168 p. (In Russian)
20. *Naselenie Zapadnoi Sibiri v XX v.* [The population of Western Siberia in the twentieth century]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 1997. 172 p. (In Russian)
21. *Naselenie SSSR. Chislennost', sostav i dvizhenie naseleniya* [The population of the USSR. Size, composition and movement of population]. Moscow, Statizdat Publ., 1975. 208 p. (In Russian)
22. Panfilova A. M. *Formirovanie rabochego klassa SSSR v gody pervoi pyatiletki* [Formation of the working class in the USSR during the First Five-Year Plan]. Moscow, MGU Publ., 1964. 171 p. (In Russian)

23. Postnikov S. P., Fel'dman M. A. *Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900—1941 gg.* [Socio-cultural face of Russian industrial workers in 1900—1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 367 p. (In Russian)
24. *Rabota organov yustitsii Sibkraya. Kratkii otchet kraisuda i kraiprokuratury za vremya: sentyabr' 1929 — mai 1930* [The work of judicial authorities in Siberian region. Summary of regional court and regional prosecution office during September 1929 — May 1930]. Novosibirsk, 1930. 17 p. (In Russian)
25. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. M-1. Op. 23. D. 840-v. (In Russian)
26. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. T. 3* [Siberian Soviet Encyclopedia. Vol. 3]. Moscow, Novosibirsk, 1932. (In Russian)
27. Sonin M. Ya. *Vosproizvodstvo rabochei sily v SSSR i balans truda* [Regeneration of labor force in the USSR and work balance]. Moscow, Politizdat Publ., 1959. 93 p. (In Russian)
28. Shkaratan O. I. *Problemy sotsial'noi struktury rabochego klassa SSSR. Istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie* [Problems of social structure of the Soviet working class. Historical and sociological research]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 594 p. (In Russian)
29. *Urbanizatsiya sovetskoi Sibiri : sb. statei* [Urbanization of Soviet Siberia: Coll. articles]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie Publ., 1987. 224 p. (In Russian)
30. Andrie V. *Workers in Stalin's Russia: Industrialization and Social Change in a Planned Economy*. Brighton, 1988.
31. Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Industrial Relations, 1928—1941*. Armonk, N. Y., 1986.
32. Jasny N. *Soviet Industrialization. 1928—1952*. Chicago, 1961.
33. Kuromiya H. *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928—1931*. Cambridge, 1988.
34. Levin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. N. Y., 1985.